A 281
107

1237
1237

Владиміръ Жаботинскій.

КРИТИКИ СІОНИЗМА

Цѣна 5 коп.

Изданіе С. Д. Зальцмана, въ Одессѣ.

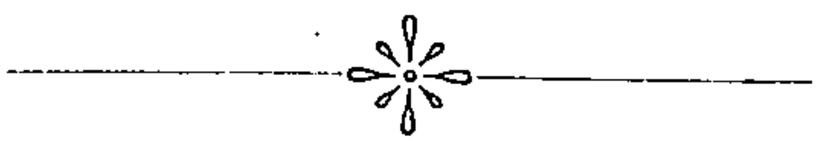
ОДЕССА.
Типографія Торговаго Дома Г. М. Левинсонъ, Ришельевская, 17.
1905.

Владиміръ Жаботинскій.

Критики Сіонизма

Цѣна 5 коп.

Изданіе С. Д. Зальцмана, въ Одессѣ.



ОДЕССА.
Типографія Торговаго Дома Г. М. Левинсонъ, Ришельевская, 17.
1905.

Палестинскія Вина и Коньяки Т-ва „КАРМЕЛЬ"

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1904 г.

Критики сіонизма.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько статей, направленныхъ прямо или косвенно противъ сіонизма. Нѣкоторыя изъ нихъ произвели впечатлѣніе. Я попытаюсь разсмотрѣть слѣдующія: «Двадцативѣковая трагедія» А. С. Изгоева («Образованіе, 1903, № 10), «Объ антисемитизмѣ» Каутскаго («Восходъ», 1903, № 27), «О сіонизмѣ» І. Бикермана («Русское Богатство», 1902, № 7) и двѣ замѣтки С. Н. Южакова въ №№ 9 и 11 «Русскаго Богатства» за 1903 годъ, въ отдѣлѣ «Политика». Было еще нѣсколько опытовъ критики сіонизма, вродѣ брошюры г. Полякова, но ихъ можно обойти молчаніемъ, въ виду ихъ незначительности.

Было бы лучше всего разобрать выше названныя статьи сразу: выбрать изъ нихъ общія главныя возраженія и дать на нихъ посильный отвѣтъ. Къ сожалѣнію, такая группировка совершенно невозможна, потому что между этими критиками сіонизма нѣтъ единогласія; хотя трое изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, стоятъ на одной и той же научной точкѣ зрѣнія, они, однако, часто противорѣчатъ другъ другу въ основныхъ пунктахъ вопроса. Каутскій пишетъ: «Евреи *перестали существовать, какъ нація,* немыслимая безъ опредѣленной территоріи» (стр. 23). Г. Изгоевъ говоритъ... «И, однако, еврейство—*нація*». Онъ даже прибавляетъ: «*такая-же* нація, какъ французы, нѣмцы, англичане» (стр. 56). Г. Бикерманъ много разъ называетъ мысль о созданіи еврейскаго автономнаго убѣжища (гдѣ бы то ни было) утопіей, ненаучной химерой (напримѣръ, стр. 68); г. Южаковъ пишетъ: «Колонизація Уганды во всякомъ случаѣ *не* кажется химеричною и недоступною, хотя и сопряжена съ массой трудностей...» (№ 9, стр. 166). Рѣчь идетъ, понятно, не о простой колонизаціи (ибо кто же споритъ противъ того, что простая колонизація возможна), а о проектѣ автономной колоніи, т. е. именно о томъ, что г. Бикерманъ считаетъ несбыточной мечтою,— и о чемъ, между тѣмъ, г. Изгоевъ говоритъ такъ: «Сіонизмъ, какъ стремленіе къ раціональной, планомѣрной земледѣльческой колонизаціи евреями такой мѣстности, которая могла бы служить для нихъ «право-

охраненнымъ убѣжищемъ»—*реальное, осуществимое дѣло, заслуживающее сочувствія и поддержки»* (стр. 67). Причемъ любопытно, что въ глазахъ г. Изгоева даже сіонизмъ, какъ мечта о возстановленіи іудейскаго царства въ Палестинѣ» есть хотя и утопія, но «*безвредная*» утопія, между тѣмъ какъ въ статьѣ г. Бикермана доказывается, что сіонизмъ, какъ его ни понимай, *вреденъ*, и никакого «сочувствія» и никакой «поддержки» не заслуживаетъ. «Сіонизмъ есть явленіе реакціонное!» утверждаетъ авторъ на стр. 69...

Тотъ же г. Бикерманъ говоритъ: «но мы считаемъ своимъ долгомъ раскрыть ложь, заключающуюся въ другомъ словечкѣ, пущенномъ въ ходъ этимъ словообильнымъ сіонистомъ (т. е. Нордау). Это слово—Judennoth... — не тѣ обычныя страданія, составляющія, вѣроятно, неизбѣжный удѣлъ человѣческаго рода, а другія, исключительныя страданія, преслѣдующія евреевъ не какъ людей, а только какъ евреевъ, и отъ которыхъ они могли бы избавиться, если-бъ не были евреями» (стр. 57). Г. Бикерманъ отрицаетъ этотъ Judennoth и настаиваетъ, что еврей даннаго класса страдаетъ столько же, сколько и коренной житель изъ того же класса, не больше и не меньше. Слѣдовательно, если классъ перестанетъ страдать, тѣмъ самымъ перестанетъ страдать и еврей. А г. Изгоевъ говоритъ, что даже «при полномъ устраненіи общественнаго строя, основаннаго на конкурренціи и меркантилизмѣ»— все-таки «потребуются еще годы духовной работы для искорененія остатковъ предразсудковъ», вызывающихъ вражду къ евреямъ, а, значитъ, и спеціально-еврейское горе. Каутскій идетъ еще дальше. По его мнѣнію, для устраненія враждебности къ евреямъ недостаточно ни паденія капиталистическаго строя, ни духовной борьбы съ предразсудками («чувствованій человѣка нельзя измѣнить путемъ увѣщаній», стр. 24); враждебность будетъ устранена «только тѣмъ и тогда, когда еврейскіе слои населенія перестанутъ быть чужими, сольются съ общей массой населенія». Ясно, что если для блага еврейства недостаточно того, чего вполнѣ достаточно для блага другихъ народовъ, а нужны еще особыя мѣры, то значитъ, у еврейства, по мнѣнію Изгоева и Каутскаго, кромѣ общечеловѣческихъ страданій, есть еще и свое спеціальное горе—то самое, которое отрицаетъ г. Бикерманъ. Въ то же время г. Бикерманъ совсѣмъ не раздѣляетъ мнѣнія Каутскаго, что евреямъ необходимо ассимилироваться. Онъ говоритъ: «Сохраненіе и развитіе *еврейскаго народа*, сохраненіе и развитіе *его культуры*, сохраненіе и развитіе того, что есть въ ней лучшаго—такова задача» (стр. 68). Даже больше: по мнѣнію г. Бикермана, евреи-ассимиляторы «существуютъ лишь въ больномъ воображеніи охранителей» (стр. 41). Не является поклонникомъ ассимиляціи и г. Изгоевъ, по крайней мѣрѣ, если понимать ассимиляцію по Каутскому—

«сліяніе съ общей массой населенія». Вѣдь слиться съ общей массой населенія даннаго мѣста значитъ принять ея національность. А г. Изгоевъ говоритъ: «Еврей можетъ примкнуть духовно только ко всему человѣчеству, какъ цѣлому, возвышающемуся надъ всѣми національностями. Еврей, освободившійся отъ талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбѣжно будетъ космополитомъ, международникомъ» (стр. 66). Послѣднее утвержденіе немного рискованно, если принять во вниманіе, что Герцль, Нордау и огромное большинство сіонистовъ, безспорно освободившись отъ талмудической культуры, стали не космополитами, а сіонистами; но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что быть космополитомъ не значитъ духовно «слиться съ общей массой населенія» даннаго мѣста, а даже совсѣмъ напротивъ...

Критики сіонизма, такъ сказать, не столковались между собою. У нихъ у самихъ—разногласія по самымъ основнымъ вопросамъ: о томъ, представляетъ ли еврейство націю или нѣтъ; о томъ, нужна или не нужна ассимиляція; о томъ, возможно или не возможно созданіе еврейскаго правоохраненнаго убѣжища; о томъ, есть ли сіонизмъ явленіе вредное,—и даже о томъ, существуетъ ли Judennoth или не существуетъ. Собственно говоря, при наличности такихъ противорѣчій можно было бы и не спорить противъ нашихъ критиковъ, а спокойно и безучастно любоваться на то, какъ они другъ друга побиваютъ. Но я, все-таки, предпочитаю разсмотрѣть ихъ доводы и представить свои возраженія; и такъ какъ, очевидно, отвѣчать разомъ на такую разноголосицу немыслимо, я буду говорить о каждой статьѣ особо. Начну съ Каутскаго.

Каутскій говоритъ, главнымъ образомъ, объ антисемитизмѣ; разбирать его взглядъ на этотъ феноменъ я не буду, такъ какъ не антисемитизмъ является предметомъ этой бесѣды. Въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ путь, указываемый Каутскимъ: ассимиляція. Объ этомъ идеалѣ мы и будемъ говорить, и тутъ намъ не мало поможетъ небольшая брошюра того же автора подъ заглавіемъ: «Національность нашего времени» (СПБ. 1903). Въ концѣ этой брошюры (стр. 41—43) Каутскій высказываетъ довольно опредѣленно взгляды на будущее отдѣльныхъ національностей. Онѣ, по его мнѣнію, вообще стремятся къ полному сліянію между собою, даже къ замѣнѣ національныхъ языковъ однимъ какимъ-нибудь универсальнымъ. Національные языки—говоритъ онъ на стр. 43—«будутъ все болѣе и болѣе ограничиваться областью домашняго употребленія, и здѣсь, наконецъ, займутъ такое же положеніе, какъ какая-нибудь старинная фамильная мебель, которую цѣнятъ и тщательно сохраняютъ, но не придаютъ ей никакого практическаго значенія». Никакого практическаго значенія: то-есть, очевидно, даже въ сношеніяхъ между собою люди одной и той-же страны будутъ, по мнѣнію Каутскаго,

пользоваться не національнымъ языкомъ, а универсальнымъ, ибо Каутскій не можетъ не понимать, что языкъ, на которомъ говорятъ между собою люди данной мѣстности, тѣмъ самымъ получаетъ большое «практическое значеніе». Волапюка г. Каутскій не признаетъ, объ эсперанто не упоминаетъ, а думаетъ, что универсальнымъ языкомъ явится какой-нибудь изъ существующихъ. Напримѣръ, англійскій Два коренныхъ неаполитанца въ бесѣдѣ между собою будутъ говорить на языкѣ Шекспира; къ итальянскому каждый изъ нихъ прибѣгнетъ только тогда, когда на досугѣ захочется поиграть звучными словами. Такъ рисуется Каутскому будущее.

О будущемъ, конечно, трудно спорить: никто не можетъ поручиться, что вѣрно угадаетъ. Но, все-таки, логика властна и надъ будущимъ; постараемся-же разсуждать логически и посмотримъ, совпадутъ-ли наши выводы съ предсказаніями Каутскаго. Національныя особенности создаются, главнымъ образомъ, климатомъ, почвой и флорою той страны, гдѣ данное племя развилось. Каутскій настолько признаетъ это, что даже психологію евреевъ выводитъ изъ того факта, что Палестина—горная страна (статья въ «Восходѣ», стр 23), причемъ отмѣчаетъ, что отпечатки этого горнаго происхожденія сохраняются и въ чужой землѣ, т.-е. даже въ новой почвенно-климатической средѣ и въ новыхъ соціальныхъ условіяхъ. Такъ сильна расовая закваска, полученная отъ матери-природы, даже когда племя уже давно перенесено подъ другое небо: пока старая кровь передается по наслѣдству безъ инородныхъ примѣсей или съ малой примѣсью, до тѣхъ поръ племя сохраняетъ свою старую индивидуальность. Конечно, эта индивидуальность уже исковеркана и съ каждымъ поколѣніемъ, подъ давленіемъ новыхъ почвенно-климатическихъ вліяній, она будетъ все болѣе уклоняться отъ основного типа; но все-таки и подъ чужимъ небомъ вы черезъ много поколѣній отличите въ чистокровномъ потомкѣ черты его прадѣдовъ. Тѣмъ болѣе сохранятся эти особенности, если данное племя всегда будетъ жить въ той самой странѣ, на почвѣ которой оно развилось. Это—прямой выводъ изъ положенія, что племенныя особенности создаются суммой естественныхъ факторовъ.

Я совершенно не касаюсь вопроса о томъ, какъ сложились нынѣ существующія національности и сколько различныхъ расовыхъ ингредіентовъ вошло въ каждую изъ нихъ; я беру ихъ такими, какими я ихъ застаю при моемъ появленіи на свѣтъ, и задаю себѣ вопросъ: что съ ними будетъ? Что вѣроятнѣе: то-ли, что обитатели Аппеннинскаго полуострова и впредь изъ роду въ родъ будутъ жить на этомъ полуостровѣ, или то, что они всѣ переберутся на другое мѣсто? И на это, по моему, невозможенъ другой отвѣтъ, кромѣ того, что первое предположеніе вѣроятнѣе, такъ какъ не предвидится никакой причины, которая принудила-бы жителей Италіи къ такому массовому переселенію. Въ настоящее

время, какъ извѣстно, итальянцы часто эмигрируютъ, ища работы за моремъ, въ то время, какъ на полуостровѣ и въ Сициліи есть огромные пустыри-латифундіи, пригодные для внутренней колонизаціи. Но вѣдь эмиграція—только маленькій процентъ населенія; да и та является слѣдствіемъ нужды, голода и непорядка. Каутскій вѣритъ, что нужда и голодъ будутъ нѣкогда совершенно упразднены, и я скромно раздѣляю эту вѣру. Но тогда исчезнетъ причина для эмиграціи даже маленькой доли населенія. Слѣдовательно, это населеніе станетъ на своемъ полуостровѣ еще болѣе осѣдлымъ, чѣмъ теперь. И то же самое совершенно безспорно предвидится и для Россіи, и для Франціи, и для Скандинавіи: нѣтъ никакихъ причинъ, которыя побуждали-бы населеніе каждой изъ этихъ странъ отрываться отъ родной почвы, — и чѣмъ дальше, тѣмъ еще меньше будетъ этихъ причинъ, потому что единственныя нынѣ побужденія къ эмиграціи—нужда и соціальная неурядица при будущемъ строѣ общества предполагаются устраненными. Шведы останутся въ Швеціи и грузины въ Грузіи; первые будутъ попрежнему, изъ роду въ родъ, подвергаться почвенно-климатическимъ вліяніямъ своей Швеціи, а вторые — своей Грузіи. Покореніе природы человѣческой техникой здѣсь не при чемъ: техника создаетъ чудеса, будетъ, пожалуй, регулировать дождь и ведро, но вѣдь климатъ Стокгольма все-таки будетъ всегда отличаться отъ климата Тифлиса, и флора второго—отъ флоры перваго. При всякихъ чудесахъ техники Великороссія всетаки останется равниной, а Англія всетаки будетъ приморской страною, и, значитъ, изъ рода въ родъ будетъ продолжаться непрерывное вліяніе неодинаковыхъ естественныхъ условій на осѣдлое населеніе какъ той, такъ и другой области. То-есть, англичанинъ сохранитъ свою англійскую племенную индивидуальность, а великороссъ — свою. Но если каждый сохранитъ свою національность, то сохранитъ и національный языкъ; потому что языкъ, естественно возникшій въ данной мѣстности, долженъ, несомнѣнно, ближе и точнѣе соотвѣтствовать всѣмъ изгибамъ психики тамошняго коренного населенія, чѣмъ какой-бы то ни было другой языкъ; и, слѣдовательно, нѣтъ никакой научной возможности предположить, что національный языкъ, исторически развившійся въ тѣсной параллельности со всей психикой населенія, вдругъ начнетъ естественно вымирать, уступая мѣсто совершенно чужому нарѣчію, только потому, что на этомъ чужомъ нарѣчіи легче вести дѣло съ иностранцами. Любопытно при этомъ замѣтить еще слѣдующее: Каутскій видитъ явный признакъ близкаго торжества универсальнаго языка въ томъ, что уже и теперь конкурренція капиталистическихъ странъ дѣлаетъ необходимымъ знаніе чужихъ языковъ: «кто больше знаетъ языковъ, у того больше шансовъ одержать верхъ надъ конкуррентами, говорящими только на одномъ своемъ языкѣ» (брошюра, стр. 42). Странно слышать такіе доводы

въ устахъ Каутскаго. Вѣдь именно ему должно быть ясно, что промышленныя сношенія между разными странами не всегда будетъ вестись на почвѣ индивидуальной конкурренціи. Въ томъ грядущемъ, за которое ратуетъ Каутскій и въ которое скромно вѣрю и я, международный обмѣнъ продуктовъ, конечно, не прекратится, но производить его будутъ не частные торгаши, какъ теперь, а особыя оффиціальныя учрежденія Теперь тысячи лицъ, ради наживы, ведутъ торговыя сношенія съ заграницей; тогда эти сношенія будутъ, очевидно, сосредоточены, для каждой области, въ спеціальномъ бюро съ ограниченнымъ штатомъ служащихъ. Слѣдовательно, только этимъ служащимъ (разсуждая строго по Каутскому) и понадобится знаніе языковъ. Количество частныхъ лицъ, имѣющихъ дѣловыя сношенія съ иностранцами, сократится до минимума, — тогда какъ сношенія между земляками-согражданами, при тогдашнемъ строѣ общества, станутъ, напротивъ, гораздо тѣснѣе и многообразнѣе, чѣмъ теперь. Какимъ образомъ, при такихъ условіяхъ общежитія, начнетъ вымирать языкъ земляковъ, съ которыми каждый человѣкъ именно тогда будетъ связанъ тысячами узъ,—и воцарится взамѣнъ того языка универсальный, хотя именно тогда производственныя отношенія вовсе не будутъ требовать этого—непостижимо...

Я, конечно, не сомнѣваюсь въ томъ, что будущее и приведетъ къ самому тѣсному сближенію между различными странами и народностями, какъ не сомнѣваюсь въ томъ, что когда-нибудь и даже скоро, люди по взаимному уговору признаютъ какой нибудь языкъ международнымъ. Но не «универсальнымъ».

Это будетъ языкъ для международныхъ сношеній и только. Внутренняя жизнь каждой націи будетъ по прежнему выражаться при посредствѣ ея національнаго языка, и языкъ этотъ будетъ самобытно развиваться и богатѣть по мѣрѣ духовнаго развитія націи. И точно такъ же, какъ съ національнымъ языкомъ, будетъ съ національной психикой. Живя постоянно въ родной почвенно-климатической средѣ, впитывая изъ рода въ родъ ея вліяніе, каждая народность естественно сохранитъ, и будетъ самобытно развивать и углублять свою индивидуальную психику, внося національный оттѣнокъ во всѣ проявленія своего творчества. Не къ сліянію національностей ведетъ естественный процессъ, а къ обезпеченію за каждой изъ нихъ полной самобытности. Исчезнетъ война, упразднится таможня, но никогда не сгладятся индивидуальныя различія, созданныя и вѣчно-питаемыя различіями въ почвѣ и климатѣ, и ни сколько не препятствующія ни дружному прогрессу, ни взаимному уваженію націй.

Но мало того, что сохраненіе національныхъ особенностей представляется, со строго-позитивной точки зрѣнія, совершенно *неизбѣжнымъ*:

слѣдуетъ помнить и о томъ, что оно также въ высшей степени *желательно*.

Мы называемъ богатой и счастливой природу той страны, гдѣ растетъ и пальма и кедръ, и вишня и дубъ, гдѣ есть и горы, и лѣса, и озера; напротивъ бѣдною и скупою считаемъ мы природу тѣхъ странъ, гдѣ растительность однообразна и ландшафтъ одинъ и тотъ же всюду. Никогда никто не видѣлъ идеала въ однообразіи; напротивъ мы и инстинктивно, и сознательно всегда предпочитаемъ всевозможное многообразіе разновидностей, гармонически, но самобытно живущихъ и развивающихся другъ подлѣ друга. Человѣкъ не можетъ быть исключеніемъ изъ этого идеала.

Если бы національныхъ различій не существовало, то въ интересахъ всего человѣчества il faudrait des inventer, ихъ надо было бы изобрѣсти, чтобы духъ человѣческій могъ проявляться во всяческомъ многообразіи оттѣнковъ. Если уже не новый, но очень подходящій въ этомъ случаѣ примѣръ, представьте себѣ человѣчество въ видѣ огромнаго оркестра, въ которомъ каждая народность какъ бы играетъ на своемъ особомъ инструментѣ. Возьмите изъ оркестра всѣхъ скрипачей отберите у нихъ скрипки и разсадите ихъ по чужимъ группамъ—одного къ віолончелистамъ, другого къ трубачамъ, и такъ далѣе; и допустимъ даже, что каждый изъ нихъ играетъ на новомъ инструментѣ такъ же хорошо какъ на скрипкѣ. И количество музыкантовъ осталось то-же, и таланты тѣ-же,—но исчезъ одинъ инструментъ, и оркестръ въ убыткѣ. Если только мы понимаемъ прогрессъ какъ стремленіе къ наибольшей полнотѣ, сложности и богатству жизненныхъ проявленій, а не наоборотъ—къ наибольшей скудости и однообразію, то мы должны дорожить неприкосновенностью національныхъ индивидуальностей не менѣе, чѣмъ дорожимъ неприкосновенностью отдѣльной человѣческой личности; и если никакой жертвы не жалко для исправленія соціальныхъ неустройствъ, угнетающихъ личность, то не жаль никакой жертвы и въ борьбѣ за то, что можетъ обезпечить національной индивидуальности законную неприкосновенность.

Тутъ я могу непосредственно перейти къ г. Южакову, у котораго прорываются такія фразы: «Тотъ, кто желаетъ служить дѣлу правды и совѣсти, дѣлу принциповъ, долженъ тщательно оберегать себя отъ всякаго общенія съ націонализмомъ» (ноябрьская книжка, стр. 144). Впрочемъ, послѣ всего сказаннаго, нѣтъ необходимости пространно спорить противъ этой точки зрѣнія, мы встрѣтимся съ нею у остальныхъ разбираемыхъ критиковъ, а собственныхъ оригинальныхъ доводовъ г. Южаковъ не выставляетъ. Г. Южаковъ слишкомъ честный человѣкъ, чтобы притворяться, будто ему непонятна разница между націонализмомъ угнетенной народности, отстаивающей свою самобытность, и націонализмомъ на-

родности угнетающей, навязывающей свою физіономію другимъ,—между самообороной и насиліемъ. Отвращеніе г. Южакова происходитъ, конечно, не отъ того, что онъ отожествляетъ нашъ націонализмъ съ націонализмомъ пруссаковъ въ Познани. Излишне доказывать г. Южакову, что тѣ хотятъ подавить чужую индивидуальность, мы же хотимъ отстоять свою: онъ самъ это понимаетъ, но твердо считаетъ, что національная индивидуальность не нужна,—что если она исчезнетъ, то и жалѣть не о чемъ,—что бороться за ея сохраненіе значитъ тратить силы на пустяки, а тратить силы на пустяки значитъ отнимать ихъ у настоящаго полезнаго дѣла; и оттого г. Южаковъ сторонится отъ націонализма и другихъ приглашаетъ сторониться. Повторяю послѣ всего, что я сказалъ выше, не зачѣмъ мнѣ отдѣльно возражать противъ этой точки зрѣнія. Но всетаки не хочется какъ-то молчать, когда читаешь такія выраженія: «Идеалы чести и совѣсти, принципы солидарности и братства, которыхъ главнымъ врагомъ является націонализмъ, въ томъ числѣ и сіонизмъ» (стр. 144)....

Часто бываетъ, что человѣкъ, возненавидя развратъ, переноситъ свою ненависть на половое влеченіе вообще и провозглашаетъ, что любовь противна «идеаламъ чести и совѣсти»; часто человѣкъ, наблюдавшій много злоупотребленій свободою, становится врагомъ свободы вообще и объявляетъ ее врагомъ «принциповъ солидарности и братства»; и когда сталкиваешься съ такими людьми, становится тяжело за узость человѣческую Здѣсь то же самое г. Южаковъ навидался уродливыхъ извращеній націонализма, и поэтому не можетъ допустить, что инстинктъ національнаго самосохраненія дѣйствительно существуетъ, и что это очень важный, полезный и могучій инстинктъ. Для него это фанаберія. капризъ, а упорствовать въ этомъ капризѣ значитъ идти наперекоръ чести и совѣсти. Наше стремленіе добиться тѣхъ же правъ, какими пользуются другіе народы, и не ради того, чтобы потомъ вести грабительскія войны, а ради того, чтобы спокойно жить по нашему племенному духовному укладу, въ мирѣ и дружномъ сотрудничествѣ съ остальными народами,—это противно совѣсти и чести. Не надо возражать на такія слова, потому что это несомнѣнно бранныя слова; и въ отвѣтъ на нихъ мы должны только еще тверже и настойчивѣе повторить, что сохраненіе національностей, въ *интересахъ всего человѣчества*, есть честная и важная задача, и никакой жертвы не жалко для ея осуществленія.

Этотъ-же идеалъ мы противопоставимъ и идеалу г. Изгоева, потому что, въ сущности, основная точка зрѣнія у г. Изгоева и у г. Южакова одна и та же, хотя первый приглашаетъ насъ отречься отъ всякой національности и стать «космополитами, международниками», а второй просто безъ всякихъ объясненій рекомендуетъ обрусѣть (сознать полную

»солидарность и достоинства, и интересовъ совѣсти всѣхъ культурныхъ силъ человѣчества вообще, *Россіи въ частности и въ особенности*»: фраза эта, находящаяся въ ноябрьской книжкѣ на стр. 145, немножко непонятна, но единственное, что въ ней ясно,—это призывъ къ обрусѣнію). Однако не подлежитъ сомнѣнію, что и г. Южаковъ ничуть не шовинистъ и зоветъ насъ къ обрусѣнію не изъ патріотическаго пыла, а изъ убѣжденія въ томъ, что французамъ-ли прежде онѣмечиться или нѣмцамъ прежде офранцузиться—разница не важна, лишь бы меньше стало хоть одной національностью: все равно въ концѣ концовъ будемъ всѣ космополитами безъ всякихъ племенныхъ особенностей. На этотъ взглядъ, общій у г. Южакова и съ Изгоевымъ, и съ Каутскимъ, выше данъ уже отвѣтъ; и все сознаніе скромности моей эрудиціи и моихъ силъ не можетъ мнѣ помѣшать совершенно ясно видѣть, что надежды почтенныхъ публицистовъ на будущее исчезновеніе племенныхъ разновидностей не имѣютъ подъ собою, какъ я попытался выяснить, никакой научной почвы и никакого нравственнаго базиса, а напротивъ, съ поразительной наглядностью, противорѣчатъ и даннымъ этнологіи, и ходу историческаго процесса, и идеальнымъ интересамъ человѣчества

Но въ статьѣ г Изгоева, кромѣ космополитическаго призыва, есть и другія частности, которыя нельзя оставить безъ отвѣта. Одобряя сіонизмъ территоріальный, извиняя, въ виду «безвредности», сіонизмъ палестинскій, онъ безповоротно осуждаетъ культурный сіонизмъ. „Сіонизмъ, какъ романтическая мечта о воскресеніи древне-еврейской культуры—реакціонная и вредная утопія“. Прежде всего, тутъ есть неточность: съ нашей стороны имѣется въ виду не «древне-еврейская культура», а просто еврейская, ибо мы вѣримъ, что въ духовномъ творчествѣ евреевъ, отъ пророковъ до нашихъ дней, проявлялись одни и тѣ же основные идеалы, конечно, измѣняя форму и точки приложенія сообразно потребностямъ мѣста и времени; и, слѣдовательно, мы желаемъ не «воскресенія древне-еврейской культуры», а широкаго развитія культуры ново-еврейской, находящейся въ тѣсной преемственной связи со старой, древней и древнѣйшей. Лѣчить захворавшаго взрослаго человѣка вовсе не значитъ «воскрешать» того младенца, которымъ этотъ человѣкъ былъ въ дни своего дѣтства. Думаю, что противъ исправленія этой неточности ничего не будетъ имѣть и самъ г. Изгоевъ, и его строгое отношеніе къ еврейской культурѣ вызывается не тѣмъ, что она будто-бы «древняя», а тѣмъ, что въ самой этой культурѣ, какъ таковой. г. Изгоевъ не находитъ никакихъ положительныхъ цѣнностей. Есть всѣ основанія предполагать, что г. Изгоевъ вполнѣ въ этомъ отношеніи раздѣляетъ точку зрѣнія Каутскаго, выразившуюся въ словахъ: „Глубокіе и смѣлые мыслители изъ евреевъ постоянно воспринимали міровоззрѣніе своего вре-

мени. *Послѣднее бывало возможно только тогда, когда они окончательно порывали съ традиціями еврейства* и становились на почвѣ общеевропейскаго культурнаго развитія» (статья въ «Восходѣ», стр. 25) Если бы г. Изгоевъ не считалъ традицій еврейства также несовмѣстимыми съ передовымъ міровоззрѣніемъ, онъ не назвалъ бы идею «воскресенія» еврейской культуры реакціонной и вредной утопіей. Но что же именно, въ такомъ случаѣ, понимаютъ гг. Изгоевъ и Каутскій подъ еврейскими традиціями и культурой? Каутскій объ этомъ не говоритъ, за то у г. Изгоева есть хотя косвенный, но вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. «Ассимиляція»—говоритъ онъ на стр. 65—«состоитъ изъ двухъ актовъ: одного отрицательнаго, отказа объ обособляющихъ чертъ, и другого положительнаго—принятія того, съ чѣмъ ассимилируешься. Что касается перваго, отрицательнаго акта, то несомнѣнно, что весь ходъ исторіи сурово и непреклонно уничтожаетъ еврейскую «обособленность» ... Евреи, втянутые въ водоворотъ современной жизни, теряютъ свою специфическую одежду, внѣшній обликъ (??), мало по малу отступаютъ отъ законовъ о «ритуальной чистотѣ», отказываются вовсе отъ нихъ, отказываются даже отъ субботы». . И вотъ — говорится на слѣдующей страницѣ—такой «еврей, освободившійся отъ талмудической культуры, по духовному существу своему всегда неизбѣжно будетъ космополитомъ, международникомъ», то-есть, уже духовно не евреемъ. Иначе говоря, весь духовный багажъ еврея, какъ таковаго, сводится къ лапсердаку, трефу и субботѣ; кто носитъ пиджакъ, ѣстъ ветчину и пишетъ въ день субботній, въ томъ уже не осталось духовно ничего еврейскаго; слѣдовательно, вотъ въ чемъ заключается еврейская культура, еврейскія традиціи: сумма внѣшнихъ талмудическихъ обрядностей и больше ничего. Послѣ этого нисколько не странно, что «воскресеніе» *такой* культуры прдставляется дѣломъ реакціоннымъ и вреднымъ.

При всемъ уваженіи къ почтенному одесскому публицисту, я долженъ сказать, что во всемъ этомъ явно сквозитъ очень недостаточное знакомство съ вопросомъ Только при этомъ условіи можно было упустить изъ виду тотъ наглядный фактъ, на который я уже указывалъ: что сплошь и рядомъ еврей интеллигентъ, замѣнившій ермолку цилиндромъ, фаршированную щуку свининой и даже субботній отдыхъ: по необходимости, воскреснымъ, все-таки признаетъ себя не космополитомъ, а евреемъ, и изъ этихъ именно интеллигентовъ а не изъ ортодоксовъ, и состоитъ главное по качеству ядро еврейскаго націонализма. Достаточно было бы даже изъ вторыхъ рукъ ознакомиться хотя бы съ личностью и ученіемъ Ахадъ-Гаама, чтобы увидѣть воочію, дѣйствительно-ли еврей, за вычетомъ талмудической обрядности *и даже религіозной вѣры*, перестаетъ быть и считать себя евреемъ Прямо неловко передъ чита-

телями серьезно доказывать, что въ еврействѣ есть кое-что и кромѣ устава о кошерѣ; но чья-же вина, что приходится настаивать и на такихъ азбучныхъ истинахъ. Мы не можемъ не сказать гг. Изгоеву и Каутскому: соберите прежде подробныя справки о томъ, что такое еврейская культура и традиціи. Я уже и не говорю о томъ, что писали по этому вопросу наши соплеменники, какъ покойный Дармстетеръ, или благорасположенные къ намъ инородцы, какъ Ренанъ; а укажу хотя бы на книгу, выпущенную недавно писателемъ, который, хотя и соблюдая извѣстную корректность тона, ничуть не скрываетъ своей антипатіи къ еврейству и его идеаламъ. Это «Esprit juif» Мориса Мюре, появившійся также и на русскомъ языкѣ, въ не удачномъ переводѣ и подъ неудачнымъ заглавіемъ «Еврейскій умъ» (СПБ. 1903). Авторъ отмѣчаетъ нѣкоторые основные мотивы въ ученіи пророковъ—и старается доказать, что эти мотивы, черезъ много столѣтій, проявились и въ творчествѣ Спинозы Гейне, Брандеса, Нордау, и въ ученіи Маркса, и въ дѣятельности Дизраэли-Биконсфильда. А мотивы эти, по мнѣнію Мюрэ, слѣдующіе: мятежная ненависть ко всякому догмату, заставляющая евреевъ подвергать разрушительной критикѣ все освященное традиціей; мечта о всемірномъ братствѣ («космополитическій идеалъ пророковъ», по выраженію Мюрэ), мечта, во имя которой евреи являются принципіальными противниками войны и т. п.; наконецъ, стремленіе установить царство Божіе на землѣ, въ противность «арійскому» идеалу царства Божія въ загробномъ мірѣ—и, какъ слѣдствіе этого стремленія, склонность къ соціальнымъ преобразованіямъ. Всѣ эти мотивы глубоко несимпатичны автору, и онъ съ огорченіемъ констатируетъ, что они пріобрѣли теперь широкую популярность и въ арійскихъ массахъ. Я, конечно далекъ отъ того, чтобы возводить г. Мюрэ въ авторитетъ; но нельзя не отмѣтить, какъ и друзья, и враги наши всегда констатируютъ въ нашемъ почти сорокавѣковомъ духовномъ творчествѣ постоянное присутствіе однихъ и тѣхъ же основныхъ идеаловъ, проникнутыхъ принципами братства и соціальной справедливости. Надо не умѣть читать или не желать прочесть, чтобы не узнать этой правды; надо закрыть глаза и заткнуть уши, чтобы въ самой жизни на каждомъ шагу не замѣчать слишкомъ ясныхъ подтвержденій этой правды. И это все игнорируется, а «культуру» нашу видятъ исключительно въ раздѣленіи посуды на мясную и молочную Еще въ Пятикнижіи установлена дань широкой благотворительности, и наши скитанія и бѣдствія только усилили въ насъ сознаніе этого долга. Организованная поддержка бѣдныхъ стала въ нашемъ народѣ *традиціей*, и всѣмъ это извѣстно; и такой же *традиціей* было для насъ, съ незапамятныхъ временъ, обученіе дѣтей, и до недавняго времени наши мужчины въ Литвѣ было поголовно грамотны по еврейски, когда и

въ западной Европы массы еще не умѣли читать ни по какому. Таковы наши традиціи. И если намъ даже скажуть, что не одни евреи, но передовые элементы всѣхъ народовъ теперь ратуютъ за участь бѣдныхъ и за распространеніе знанія, то мы отвѣтимъ: слѣдовательно, эти исконныя традиціи еврейскаго племени во всякомъ случаѣ не зловредны и не враждебны прогресу? Но теперь намъ заявляютъ, что прежде, чѣмъ воспринять передовое міровоззрѣніе, мы должны порвать съ еврейскими традиціями, потому что еврейскія традиціи выражаются въ обязательномъ ношеніи нагрудника съ кисточками...

Только не изучивъ, не продумавъ, не углубившись и можно дѣлать такія заявленія. И тутъ я отмѣчу вообще одно характерное явленіе. Наши критики, особенно Каутскій и г Изгоевъ, несомнѣнно, не признаютъ феномена безъ причины. Столкнувшись съ какимъ-нибудь историческимъ факторомъ, они не успокоятся, пока не откроютъ тѣхъ условій, которыя вызвали его и даже необходимо должны были вызвать. Если притомъ фактъ этотъ не единичный, а повторный или тѣмъ болѣе, непрерывно-длительный, г да Изгоевъ и Каутскій никогда не усомнятся, что причина, обусловливавшая его, есть важная и могущественная причина.—и признаютъ неучемъ всякаго, кто допуститъ, что такой историчекій фактъ возникъ просто «такъ», безъ особенной надобности, а могъ-бы при тѣхъ же условіяхъ и не возникнуть. Но какъ только дѣло коснется еврейскаго народа, картина мѣняется. Предъ глазами такой яркій феноменъ, какъ почти двадцативѣковая борьба небольшого безземельнаго племени за свою національную обособленность, борьба, въ которой всѣ выгоды, какія только можно придумать, были, безспорно, всецѣло на сторонѣ отступничества—и, тѣмъ не менѣе, отступничество не состоялось, Это—поражающе-длительный историческій фактъ, и казалось бы, что именно гг. Изгоевъ и Каутскій, какъ позитивисты par-excellence, должны былибы тутъ сказать себѣ: очевидно, тутъ дѣйствуетъ какой-то очень могущественный факторъ группового самосохраненія и съ этимъ факторомъ нельзя не считаться.—Вмѣсто того, наши критики здѣсь, очевидно, теряютъ свой обычный компасъ, и не то вовсе игнорируютъ феноменъ, *который немыслимо игнорировать*, не то прямо относятся къ нему такъ, какъ будто эта двухтысячелѣтная мученическая самооборона не имѣла подъ собой никакого солиднаго императива и была чуть-ли не плодомъ недоразумѣнія, человѣческой глупости, а теперь люди поумнѣли и должны увидѣть, что не изъ за чего бороться... И Каутскій, и г. Изгоевъ не могутъ не понимать, что такая точка зрѣнія не только не напоминаетъ о той строгой научности, которая обыкновенно отличаетъ ихъ школу, но просто лежитъ ниже уровня всякаго научнаго мышленія. Это очень характерно. Дѣло въ томъ, что

вопросъ о національностяхъ еще не разработанъ научно, особенно съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Я не утверждаю, но не удивлюсь, если окажется, что съ этой точки зрѣнія онъ не можетъ быть разработанъ. Во всякомъ случаѣ, писатели безошибочно орудующіе въ той области, которая уже изслѣдована и объяснена основателемъ ихъ школы, совершенно теряются передъ вопросами, которые основатель обошелъ молчаніемъ. И если самостоятельная научная разработка этихъ вопросовъ не подъ силу такимъ солиднымъ ученымъ, какъ Каутскій, и такимъ серьезнымъ публицистамъ, какъ г. Изгоевъ, то еще менѣе подъ силу оказалась она г. Бикерману, который, конечно, не можетъ быть признанъ ни солиднымъ ученымъ, ни серьезнымъ публицистомъ, Къ г. Бикерману я и перейду.

Г. Бикерманъ выдвигаетъ противъ сіонизма слѣдующія возраженія:

История доказываетъ, что государство не можетъ быть создано искусственнымъ образомъ.

Сіонизмъ зоветъ еврейскія массы на путь наибольшаго сопротивленія, тогда какъ извѣстно, что массы всегда стихійно движутся только по пути наименьшаго сопротивленія.

Сіонизмъ есть движеніе чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмомъ.

Сіонизмъ есть движеніе реакціонное и вредное.

Осуществленіе сіонизма погубило бы еврейство, какъ таковое.

Разберемся отдѣльно въ каждомъ изъ этихъ возраженій.

«Всемірная исторія»—говоритъ г. Бикерманъ на стр. 29—«не знаетъ *) случая, когда бы какая-либо группа людей—родъ, племя, народъ, орда—вздумала бы въ одно прекрасное утро создать государство, а вздумавъ, создала бы его. И въ древнія, и въ новыя времена государства являлись *результатомъ*, дѣятельности человѣческихъ массъ, но никогда не служили *цѣлью* этой дѣятельности». И въ подтвержденіе г. Бикерманъ приводитъ эмиграцію «отповъ странниковъ» въ Новый свѣтъ, изъ которыхъ потомъ возникли Соединенные Штаты, и великое переселеніе народовъ: ни «отцы странники», ни варвары не думали, по мнѣнію г, Бикермана, о созданіи новыхъ государствъ, а просто шли въ поискахъ удовлетворенія своимъ насущнымъ потребностямъ по пути на-

---

*) А негритянская республика Либерія, созданная американскими филантропами, нынѣ насчитывающая нѣсколько милліоновъ свободныхъ черныхъ гражданъ, и оффціально державами признанная за самостоятельное государство? См. Паперин., „Либерія“ (Евр. ж., сентябрь 1904 г.).

именьшаго сопротивленія; если ихъ поселенія потомъ развились въ государства, это произошло само собою, а не по сознательно предначертанному плану...

Проще всего было бы отвѣтить на это г. Бикерману, что прошлое не всегда можетъ служить критеріемъ для будущаго. Можно было бы указать ему, напримѣръ, на то, что въ прошломъ не только большія государства, но и отдѣльные города являлись *результатомъ* человѣческой дѣятельности, а не *цѣлью*. Движимое своими потребностями по пути наименьшаго сопротивленія, люди осѣдали въ данномъ мѣстѣ, строили себѣ землянки или шалаши, и черезъ нѣсколько столѣтій выросталъ городъ. На этомъ основаніи, двѣсти лѣтъ тому назадъ г. Бикерманъ легко могъ бы выступить съ увѣреніемъ, что «исторія не знаетъ случая, когда бы человѣкъ вздумалъ въ одно прекрасное утро создать городъ, и вздумавъ, создалъ бы его», Тѣмъ не менѣе Петръ великій вздумалъ создать посреди болота городъ и создалъ его; а въ наше время, какъ извѣстно, въ Сѣверной Америкѣ такіе «искусственные» города возникаютъ сплошь и рядомъ, по произволу промышленныхъ компаній и даже отдѣльныхъ богачей. И далѣе можно было бы указать г. Бикерману, что, напримѣръ, и союзы или сообщничества между отдѣльными гражданами государства являлись нѣкогда результатомъ, а не цѣлью человѣческой дѣятельности. Любая популярная книжка по соціологіи напомнитъ г. Бикерману о томъ, какъ безсознательно побуждаемы общностью интересовъ отдѣльные граждане инстиктивно оказывали другъ другу поддержку противъ тѣхъ согражданъ, интересы которыхъ были враждебны ихъ интересамъ, и изъ этой естественной взаимопомощи мало по малу, безъ всякаго уговору, развились прототипы нынѣшнихъ трестовъ, синдикатовъ, профессіональныхъ и даже партійныхъ союзовъ. А теперь эти союзы возникаютъ такъ: нѣсколько человѣкъ, «вздумавъ въ одно прекрасное утро» создать общество хотя бы N-скихъ врачей, созываютъ учредительское собраніе, вырабатываютъ уставъ, посылаютъ его на утвержденіе, и затѣмъ, если въ N-скѣ достаточно врачей, общество будетъ процвѣтать, несмотря на то, что оно создалось искусственно и явилось не результатомъ, а сознательной цѣлью. И далѣе можно было бы обратить вниманіе г. Бикермана вообще на то, что во всѣхъ областяхъ прежніе «результаты» мало по малу становятся «цѣлями». На то человѣчество и умнѣетъ, чтобы пользоваться прежними опытами. Первая плотина возникла, безъ сомнѣнія, случайно; обвалъ загородилъ потокъ и вода разлилась; человѣкъ замѣтилъ это и на слѣдующій разъ уже самъ нарочно запрудилъ рѣку. По преданію, изобрѣтеніе пороха явилось невольнымъ «результатомъ» того, что монахъ Бертольдъ Шварцъ невинно толокъ въ ступѣ сѣру селитру и уголь, а теперь изобрѣтатели годами ра-

ботаютъ съ сознательной „цѣлью“ найти Х-лучи или создать граммофонъ и это имъ удается. Вполнѣ естественно, что увидавъ, какъ невольнымъ „результатомъ“ глазѣнія перваго астронома въ телескопъ явилось открытіе новой звѣзды, второй астрономъ поставилъ себѣ „цѣлью“ отыскать тоже новую звѣзду. Нельзя же требовать у людей, чтобы они ничего не замѣчали и ничему не научались. Пусть первые массовые эмигранты даже не подозрѣвали, что изъ ихъ переселенія получится новое самостоятельное государство; но вѣдь *мы* то уже знаемъ, что у первыхъ эмигрантовъ получилось государство, и если теперь и мы хотимъ эмигрировать, то не можемъ же мы не расчитывать или хоть не надѣяться, что и наше переселеніе приведетъ къ тому же „результату“; и неужели только потому, что мы, наученные чужимъ опытомъ, ожидаемъ этого „результата“ и активно готовимся къ нему, насъ должна постигнуть неудача? Въ этомъ нѣтъ логики.

Но, собственно говоря, всѣ эти доводы понадобились бы только тогда, если бы сама по себѣ философія исторіи г. Бикермана выдерживала критику,—если бы, дѣйствительно, существовала *принципіальная* разница между сіонизмомъ и другими, уже бывшими массовыми переселеніями, приведшими къ возникновенію новыхъ государствъ. Въ сіонизмѣ заключаются два основныхъ принципа: во-первыхъ, массовое выселеніе на одну и ту же территорію; во вторыхъ автономія, т. е. гарантія самоуправленія. Эти же два принципа неизмѣнно присутствовали и до сихъ поръ во всѣхъ историческихъ массовыхъ переселеніяхъ, изъ которыхъ потомъ возникли государства. „Отцы странники“, переселяясь въ 1620 году въ Сѣверную Америку, не на то, конечно, шли туда, чтобы подпасть тамъ подъ власть дикарей-туземцевъ. Они имѣли въ виду очень основательную гарантію самоуправленія: свои ружья и ножи. То же самое можно сказать и о великомъ переселеніи народовъ: подвигаясь въ Европу, гунны меньше всего имѣли въ виду стать тамъ чужими подданными, а, напротивъ, полагались на свои мечи, какъ на полную гарантію автономіи. Ни одно массовое переселеніе не совершалось и не могло совершиться безъ этой естественно-предполагаемой гарантіи самоуправленія. Сіонизмъ, выставляя тотъ-же принципъ, не вноситъ ничего новаго. Онъ только замѣняетъ старинную *кулачную* форму гарантіи формой *договорной*, и это строго соотвѣтствуетъ характеру нашего времени. Всѣ вообще кулачныя формы гарантіи понемногу вымираютъ и замѣняются договорами. Дуэль, т. е. кулачная гарантія неприкосновенности индивида, и война то-есть кулачная гарантія неприкосновенности аггрегата, постепенно уступаютъ свое значеніе договорному учрежденію третейскаго суда. Гунны, переселяясь въ Европу, гарантировали себѣ автономію, и мы, переселяясь въ Палестину, должны ее гарантировать: но

ихъ гарантія, сообразно духу того времени, заключалась въ кулачномъ правѣ, а наша, сообразно духу нашего времени, должна выразиться въ договорной формѣ чартера. Это такъ же естественно и такъ же мало измѣняетъ сущность дѣла, какъ то, напримѣръ, что гунны переселялись на коняхъ или въ кибиткахъ, а мы поѣдемъ на винтовомъ пароходѣ.

Столь же основательно и другое историко-философское соображеніе г. Бикермана—что „сіонизмъ предполагаетъ движеніе въ сторону наибольшаго сопротивленія“ (стр. 35). „люди... вездѣ и всегда дѣйствовали подъ давленіемъ своихъ повседневныхъ (?) потребностей и нуждъ, и... ихъ дѣйствія, какъ дѣйствія всякой силы въ природѣ, направлялись въ сторону наименьшаго сопротивленія“ (стр. 29). И, говоря такъ, г. Бикерманъ утверждаетъ, что путь наменьшаго сопротивленія въ данномъ случаѣ есть борьба за свои права здѣсь, на мѣстѣ приписки, ибо гораздо легче и проще добиться благополучія тамъ, гдѣ уже обжился, чѣмъ ѣхать ради этого за море, на Богъ вѣсть какіе труды. И тутъ же рядомъ г. Бикерманъ такъ объясняетъ причину эмиграціи „отцовъ-странниковъ“: „Пуритане искали свободы совѣсти и спокойствія. То и другое можно было въ то время найти лишь за океаномъ, и они переплыли океанъ“ (стр. 29). Странно: вѣдь, по г. Бигерману имъ легче и проще было бы остаться на старыхъ мѣстахъ и боротся за свои права, чѣмъ ѣхать за море къ краснокожимъ,—и, собственно говоря, г. Бикерманъ долженъ признять ихъ образъ дѣйствій за явное уклоненіе отъ пути наименьшаго сопротивленія. Еще строже долженъ отнестись г. Бикерманъ къ факту двухтысячелѣтняго сохраненія еврейской народности. Евреевъ били, гнали и подвергали неумѣреннымъ поборамъ за то, что они были евреи; ясно, что ихъ „повседневныя потребности и нужды“ систематически страдали изъ-за ихъ приналежности къ еврейству. Гдѣ же былъ путь наименьшаго сопротивленія для выхода изъ этого полеженія? Съ точки зрѣнія г. Бикермана нельзя не отвѣтить: въ отступничествѣ. Теперь, правда. и выкреста считаютъ евреемъ; но напримѣръ. въ Испаніи выкреста поощряли и охотно женили на испанкахъ, Это было проще и легче всего: перестать быть евреями, и „повседневныя потребности и нужды“ были бы удовлетворены. Вмѣсто того мы видимъ, что евреи всѣмъ жертвуютъ и не сдаются. Г. Бикерманъ не можетъ. если онъ послѣдователенъ, не констатировать и здѣсь упорнаго и систематическаго уклоненія отъ пути наименьшаго сопротивленія. Иначе—какъ онъ объяснитъ себѣ эту загадку? Что касается до насъ, то мы объясняемъ ее себѣ очень просто. Массы направляются къ удовлетворенію своихъ властныхъ потребностей всегда по пути наименьшаго сопротивленія, и совлечь ихъ съ этого пути немыслимо,—но, очевидно, не г. Бикерману дано знать, какія

потребности для массъ суть наиболѣе властныя, и какой путь является для нихъ путемъ наименьшаго сопротивленія. Если евреи столько вѣковъ страдаютъ за свое еврейство, значитъ въ нихъ есть какая-то властная потребность охранять свое еврейство, и отказъ отъ этой потребности было бы для нихъ неизмѣримо труднѣе, чѣмъ отказъ отъ свободнаго удовлетворенія своихъ „повседневныхъ нуждъ". И если пуритане, очутившись въ положеніи, подобномъ положенію евреевъ, сразу почувствовали, что въ данномъ случаѣ путемъ наименьшаго сопротивленія для нихъ является не борьба на мѣстѣ, а массовая эмиграція,—то евреямъ, которые больше пуританъ настрадались и больше успѣли извѣриться въ возможность когда-нибудь жить по человѣчески въ голусѣ, и подавно путь исхода не можетъ не представляться, какъ субъективно, такъ и объективно, путемъ наименьшаго сопротивленія.

И уже одно это доказываетъ, насколько неосновательно третье возраженіе г. Бикермана,—будто сіонизмъ есть движеніе чисто отрицательное, вызванное только антисемитизмомъ, и „сіонистская идея явилась на свѣтъ Божій или какъ результатъ оскорбленнаго самолюбія, или какъ результатъ паническаго страха, охватившаго людей въ то время, какъ надъ ихъ головой разразился громовой ударъ" (стр. 62). Много разъ гремѣль надъ евреями громъ и если бы имъ нужно было *только* избавиться отъ грома, то они сто разъ успѣли бы укрыться отъ него въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е. путемъ отреченія ото того, за что ихъ громили. Когда человѣка изо дня въ день бьютъ за то, что онъ, скажемъ, носитъ бороду, то ему проще всего—сбрить эту бороду; и если онъ такъ поступитъ, это будетъ, несомнѣнно, чисто отрицательный шагъ, вызванный исключительно гоненіями; но если человѣкъ, несмотря ни на какія муки, все-таки не жертвуетъ бородой, и въ концѣ концовъ уходитъ прочь отъ насиженнаго угла, то не ясно-ли, что ему важнѣе всего сберечь бороду, а не бѣжать отъ побоевъ, ибо для спасенія отъ побоевъ есть болѣе простое средство—срѣзать бороду. Если бы, все дѣло для насъ было въ антисемитизмѣ, мы звали бы къ тому, что проще всего—къ отреченію отъ „семитизма", Это и было бы чистое бѣгство, совершенно отрицательное движеніе, порожденное только гоненіями. Но если мы, вмѣсто отреченія призываемъ другъ друга къ такому дѣлу, которое всѣмъ кажется очень труднымъ, а кое-кому даже неисполнимымъ,—то не ясно-ли, что мы не столько спасаемся отъ гоненій, сколько спасаемъ „бороду" охраняемъ и оберегаемъ нѣчто *положительное*; что мы не просто бѣжимъ, куда глаза глядятъ, только потому, что насъ хотятъ бить, но несемъ съ собою что-то намъ дорогое, какой то цвѣтокъ, который хотимъ снова посадить въ родную землю, выхолить и выростить, Исполнимо-ли это желаніе, или нѣтъ,—но не

видѣть его, не понимать, что именно этотъ положительный императивъ основной императивъ сіонизма, и сводить всю теорію послѣдняго къ боязни грома, когда для спасенія отъ грома простѣйшимъ средствомъ былъ-бы не сіонизмъ, а отступничество,—все это возможно только при условіи безнадежной поверхностности.

„Между сіонизмомъ и антисемитизмомъ существуетъ родство по духу», говоритъ г. Бикерманъ на стр. 41—42,—«въ основныхъ своихъ посылкахъ сіонизмъ есть возведенный въ принципъ антисемитизмъ... Максъ Нордау говоритъ, что антисемитизмъ будетъ существовать въ самомъ отдаленномъ будущемъ, ибо онъ находится въ тѣсной связи съ основными свойствами человѣческаго мышленія и чувствованія»... Любопытно, между прочимъ, что Каутскій въ этомъ случаѣ согласенъ съ Нордау, ибо утверждаетъ, что антисемитизмъ исчезнетъ только тогда, когда исчезнутъ «семиты», и Каутскій, такимъ образомъ, тоже оказывается, по г. Бикерману, въ духовномъ родствѣ съ Дрюмономъ. Но это въ скобкахъ. Суть же въ томъ, что г. Бикерманъ очень ошибается, если думаетъ, что ссылка на антисемитизмъ есть *основная посылка* сіонизма. Ничего подобнаго. Наше движеніе еще очень молодо, и ждетъ еще своего научнаго теоретика,—но мы всѣ прекрасно понимаемъ, что въ схемѣ теоретическаго обоснованія сіонизма и антисемитизмъ и Judennoth будутъ играть только самую скромную роль. Можно предвидѣть, что схема эта будетъ приблизительно такова: инстинктъ національнаго самосохраненія, послѣ потери *естественнаго* изолирующаго средства—національной территоріи, заставилъ еврейство *искусственно* оградить себя отъ сліянія съ другими народами стѣною религіознаго догмата; теперь, когда просвѣщеніе безповоротно осудило догматъ на гибель, и *искусственная* стѣна, ограждавшая еврейство отъ растворенія въ чужой средѣ, пала, инстинктъ національнаго самосохраненія побуждаетъ еврейство стремиться къ возстановленію *естественнаго* изолирующаго средства, т.-е. національной автономіи, чтобы обезпечить навсегда законную самобытность еврейской національной индивидуальности, въ интересахъ еврейства и человѣчества. Антисемитизмъ въ этой схемѣ явится только второстепенной подробностью. Максъ Нордау никогда не былъ и не собирался быть теоретикомъ сіонизма и даже не посвятилъ этому движенію пока ни одной крупной работы. Нордау – агитаторъ сіонизма, а, какъ доводъ для сіонисткой агитаціи, антисемитизмъ, особенно «возведенный въ принципъ», конечно, весьма удобенъ и полезенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что антисемитизмъ сильно содѣйствуетъ пробужденію національнаго чувства; но «пробудить» не значитъ «создать». Роль антисемитизма, какъ я уже замѣтилъ однажды печатно въ другомъ изданіи, это—роль блохи, отъ укушенія которой спящій можетъ проснуться, но если онъ, проснувшись, принимается за

творческое дѣло, то не ради нечистаго насѣкомаго, а ради того инстинкта жизни и работы, который въ немъ отъ роду.. заложенъ...

Не стану отвѣчать особо на четвертый доводъ г. Бикермана—о реакціонномъ характерѣ сіонизма, такъ какъ объ этомъ уже говорилъ выше; но нельзя не отмѣтить, что тутъ авторъ пускается прямо въ какую-то очень странную игру словами и понятіями. Сіонизмъ есть *охраненіе*, говоритъ онъ, и потому сіонистская пропаганда «неизбѣжно реакціонна» (стр. 40, 69). Г. Бикерманъ, кажется, завѣдуетъ одной общественной библіотекой. Онъ ее, несомнѣнно „охраняетъ", и не позволитъ взять изъ нея безъ отдачи ни одного тома. Слѣдуетъ ли изъ этого, что его дѣятельность реакціонна? Нисколько. Хорошую вещь и надо „охранять", особенно когда ей грозитъ опасность. Лучшіе люди Россіи „охраняютъ" теперь земство и судъ присяжныхъ. Г. Бикерманъ просто хотѣлъ поспекулировать словомъ „охраненіе", пользуясь тѣмъ, что оно въ русской печати получило особую прискорбную извѣстность. Еще менѣе красива другая попытка явной спекуляціи, которую мы находимъ на стр. 65: „ничего нѣтъ дешевле, какъ стать сіонистомъ. Для этого достаточно сказать себѣ: сіонистъ есмь—и заплатить 40 копѣекъ. Никакой борьбы выдерживать не приходтся, *никакимъ преслѣдованіямъ тебя не подвергаютъ*. Явный признакъ, что сіонизмъ—самъ по себѣ, а жизнь—сама по себѣ"... Что это такое? г. Бикерманъ не могъ не знать. что заграницей „нѣтъ ничего дешевле", какъ записаться въ какую угодно партію: „достаточно сказать себѣ и т. д.", и за это тоже не подвергаютъ никакимъ преслѣдованіямъ. Явный признакъ. что заграницей всѣ партіи сами по себѣ, а жизнь—сама по себѣ?... Что это такое? Болтовня или недобросовѣстность?

И тутъ бросаются въ глаза еще нѣкоторыя странности. „Народъ, тратя свои силы на созданіе новаго государства, неминуемо отсталъ бы въ культурномъ развитіи. Тутъ мы уже имѣемъ дѣло... съ истиной, подтверждаемой всей исторіей человѣчества" (стр. 53). „Намъ предлагаютъ... уйти, чтобы начать на новомъ мѣстѣ счетъ мучащихся поколѣній сначала, чтобы лишь столѣтія спустя дойти до того положенія, въ которомъ мы находимся теперь. Да, лишь столѣтія спустя и лишь до того положенія, въ которомъ мы находимся теперь!" (стр. 46). Какъ же такъ? Всѣ грамотные люди знаютъ, что именно тѣ народы, которые создали новыя государства, напримѣръ сѣверо-американскіе и австралійскіе переселенцы, колоссально шагнули впередъ за самое короткое время и далеко обогнали „въ культурномъ отношеніи" старую Европу. Опять таки, въ любой книжкѣ по соціологіи г. Бикерманъ нашелъ бы и подробности этого феномена, и его объясненіе. Допускаю охотно, что г. Бикерманъ дѣйствительно знакомъ со „всей исторіей человѣчества",

разъ онъ на нее „всю“ ссылается, но въ такомъ случаѣ подобные выводы изъ этой „всей“ исторіи еще разъ неопровержимо говорятъ о самой легкомысленной поверхностности. И тутъ нельзя кстати не вспомнить тѣхъ страницъ (57—59), гдѣ г. Бикерманъ отрицаетъ Judennoth. Я, къ счастью, не обязанъ возражать на эту часть статьи, потому что Judennoth, по моему, не входитъ въ обоснованіе сіонизма. Но когда прочтешь это удивительное мѣсто, гдѣ съ цифрами въ рукахъ доказывается, что евреи вовсе не угнетенный народъ, а, напротивъ, весьма благоденствующій народъ, то невольно хочется повторить вопросъ: да что же это такое, наконецъ,—просто болтовня, или нѣчто похуже.

Къ той же категоріи отношу и послѣдній доводъ г. Бикермана: что осуществленіе сіонизма погубило бы еврейство. Вотъ образчикъ этого „пилпула“: „Ведетъ ли сіонизмъ къ сохраненію еврейской расы и еврейской культуры? И на этотъ вопросъ я отвѣчаю: изъ всѣхъ путей, ведущихъ къ исчезновенію того и другого, путь въ Сіонъ наиболѣе короткій. И это мое утвержденіе подкрѣпляется каждой страницей всемірной исторіи... Развѣ не показываетъ вся исторія, что именно въ томъ огромномъ котлѣ, въ которомъ выварились государства, исчезали племена и сливались въ одну массу различныя расы .. Гдѣ же теоретики сіонизма намъ доказали, что на почвѣ Палестины, куда они насъ зовутъ, процессъ государственнаго строительства не будетъ сопровождаться тѣмъ же смѣшеніемъ племенъ?“... (стр. 51—52). Опять болтовня, опять верхоглядство. Когда на одной и той же территоріи сошлись, для „государственнаго строительства“, и англы, и саксы, тогда получилась, дѣйствительно, смѣшанная раса англо-саксовъ. Но осуществленіе сіонизма будетъ заключаться не въ томъ, что „государственнымъ строительствомъ“ въ Палестинѣ займутся евреи плюсъ еще какія-то другія народности, а въ томъ, что *евреямъ* удастся добиться уступки Палестины *евреямъ* же для созданія тамъ *еврейскаго* государства. Никто не придетъ намъ помогать, и не съ кѣмъ будетъ намъ смѣшиваться. Развѣ съ туземными арабами? Смѣю увѣрить г. Бикермана, что эта горсть арабовъ обнаружитъ тогда ровно столько же охоты къ сліянію съ нами, сколько мы теперь къ сліянію съ господствующими націями голуса...

Пробѣжавъ этотъ обзоръ нѣсколькихъ опытовъ прямой или косвенной критики нашего движенія, читатель, конечно, замѣтилъ, что изъ всѣхъ оппонентовъ одинъ только г. Бикерманъ нападаетъ на насъ съ такимъ шумнымъ апломбомъ полномочнаго ревизора отъ науки—причемъ даже минутами совершенно невольно вспоминается соотвѣтствующая комедія Роголя. Это послужитъ мнѣ оправданіемъ, если противъ моей воли въ послѣдней части обзора у меня вырвались, быть можетъ, нѣсколько рѣзкія выраженія. Они, во всякомъ случаѣ, не мо-

гутъ быть отнесены къ остальнымъ критикамъ: они, во-первыхъ, не чета г. Бикерману, — а во-вторыхъ, гораздо скромнѣе. Сознавая, очевидно, что настоящей научной разработки вопросовъ о національности пока еще нѣтъ, они безъ апломба и треску излагаютъ свою отсебятину, не браня при этомъ инако-мыслящихъ неучами, и не призывая во свидѣтели „всю“ исторію. Въ нихъ не видно желанія взвалить непремѣнно всю отвѣтственность за ихъ собственные домыслы ни плечи „науки“. Это почтительное отношеніе къ послѣдней дѣлаетъ имъ, сравнительно, честь. Но не дѣлаетъ имъ, къ сожалѣнію, чести ихъ несдержанное и невдумчивое отношеніе къ еврейскому національному движенію. Мы не можемъ требовать отъ нихъ сочувствія; но презрительно третировать столь крупное теченіе, критиковать его запросто, между дѣломъ, „домашними средствами“, упразднять его однимъ кляксомъ пера—это, прежде всего, не доказываетъ глубокаго и серьезнаго взгляда на вопросъ. Гдѣ на лицо имѣются, какъ ни какъ, десятки тысячъ людей съ опредѣленнымъ практическимъ идеаломъ, тамъ можно соглашаться или нѣтъ, содѣйствовать или бороться, но только поверхностный умъ можетъ отдѣлаться пожиманіемъ плечъ или воплями о реакціонности движенія; и всего менѣе умѣстно въ этихъ случаяхъ слово „утопія“,—жалкое слово изъ словаря трусовъ, повторять которое неприлично серьезному человѣку. Многое, что полвѣка назадъ еще называли утопіей, теперь завоевываетъ міръ. Господа Каутскій, Изгоевъ и Южаковъ не могутъ не знать этого. Именно потому, что я совсѣмъ не считаю ихъ людьми поверхностными, я настаиваю, что этимъ своимъ легкимъ отношеніемъ къ сіонизму они, прежде всего, выказываютъ недостаточное уваженіе къ самимъ себѣ.

И поэтому надо, въ заключеніе, сказать, что если наши критики впослѣдствіи глубже и вдумчивѣе отнесутся къ нашему движенію, они въ гораздо большей степени окажутъ услугу самимъ себѣ, нежели намъ. Что касается до насъ, то всякое выраженіе сочувствія со стороны — намъ весьма пріятно и дорого; но не слѣдуетъ думать, будто сіонизмъ бредетъ по своему пути съ протянутой рукою, выпрашивая у постороннихъ подачку сочувствія. Мы, прежде всего, помнимъ, что не симпатіи постороннихъ людей спасутъ насъ, а наша самодѣятельность. Ту поддержку общественнаго мнѣнія, которая необходима для осуществленія нашей задачи, мы не выклянчимъ, а завоюемъ этой самодѣятельностью. Поэтому доброе слово посторонняго не можетъ привести насъ въ восторгъ, и неодобреніе посторонняго не способно смутить нашу рѣшимость. Мы идемъ по нашей дорогѣ потому, что непреодолимый внутренній императивъ такъ великъ, и сила этого императива ручается намъ за его жизненность и цѣнность. И глубоко въ то же время сознавая себя честными друзьями

7 10049

братства и прогресса, мы не должны оглядываться ни направо, ни налѣво, и не станемъ дожидаться похвалы ни отъ чужихъ, ни отъ тѣхъ, которые хотятъ быть чужими. Родина Гарибальди, возрождаясь, отказалась отъ посторонней помощи, она провозгласила принципъ „L'Italia farà de sè"—Италія сама себѣ поможетъ и симъ побѣдила. Этотъ завѣтъ должны помнить и мы. Обучая нашихъ дѣтей говорить на языкѣ Торы, мы пользуемся при обученіи только языкомъ Торы: въ этомъ заключается образцовый методъ. Возрожденіе нашего народа совершится по тому же способу, какъ и возрожденіе нашего языка: ивритъ бе-ивритъ...

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

І. Х. РАВНИЦКІЙ и М. Я. ПОЛИНКОВСКІЙ

ОДЕССА, уг. Б. Арнаутской и Ришельевской, д. Барбаша.

Отдѣленіе журнала „ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ".

(Подписка, объявленія, розничная продажа).

Агентство всѣхъ еврейскихъ и русскихъ періодическихъ изданій.

Мѣстный складъ изданій: „Моріо", „Гаоръ", „Бусселя", „Новой Библіотеки" и др.

Коммиссіонерство Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи.

Магазинъ вступаетъ въ сношенія съ кружками и снабжаетъ ихъ книгами національнаго содержанія и агитаціонными брошюрами по выбору кружковъ или по собственному выбору.

Магазинъ составляетъ и высылаетъ хорошо подобранныя библіотеки для кружковъ и частныхъ лицъ стоимостью отъ **пяти** р.

При заказѣ слѣдуетъ указать, на какомъ языкѣ (русскомъ, древне-еврейскомъ или жаргонѣ) библіотека должна быть составлена и какія книги уже имѣются.

Библіотечки изъ сіонистскихъ брошюръ **отъ одного рубля**.

Листки и брошюры агитаціоннаго содержанія отъ **1** руб. **20** к. за тысячу.

При заказахъ требуется задатокъ. При запросахъ марка для отвѣта.

ЕВРЕИ, ЧИТАЙТЕ ВАШУ ПРЕССУ!

открыта подписка на 1905 г. на слѣдующія газеты и журналы

„ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“

еженедѣльная хроника и ежемѣсячный журналъ.

Самый распространенный и общедоступный органъ русско-еврейскій въ Россіи.

Цѣна вмѣстѣ 7 руб. въ годъ, 1/2 года 4 р., 1/4 года 2 р. (годовымъ подписчикамъ допускается слѣдующая разсрочка: 1 Янв. 2 р., 1 Марта 2 р., 1 Мая 1 р., 1 Іюля 1 р., 1 Сентября 1 р.) Ежемѣсячный журналъ на годъ 4 руб. (на хронику отдѣльно подписка не принимается). Полные комплекты Журнала „Евр. Жизнь“ за 1904 годъ, цѣна 4 руб. Подписчики на 1905 годъ получаютъ полное собраніе соч. С. Г. Фруга за 1 р. 20 к.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Суворовскій просп. № 3.**

31 годъ **„ГАЦЕФИРА“** изд. ежед. „הצפירה“ въ Варшавѣ

Цѣна на годъ 8 р., 1/2 года 4 р. 1/4 года 2 р., №—3 к.

Адр. редакціи: Варшава Марьянская 2.

3 годъ **„ГАЦОФА“** изд. ежедн. „הצפה“ въ Варшавѣ

Цѣна на годъ 6 р., 1/2 г. 3 р., 1/4 года 1 р. 50 к., №—3 к.

Адр. **Варшава, почт. ящ. 63.**

3 годъ **„ДЕРЪ ФРАЙНДЪ“** изд. еже-дневн. „דער פריינד“ на жар. гонѣ

С.-Петербургъ, Екатер. каналъ 71,

Цѣна на годъ 7 р., 1/2 г. 3 р. 75 к., 1/4 г. 1 р. 75 к., №—3 к.

„ЕВРЕЙСКАЯ БУДУЩНОСТЬ“

„די יודישע צוקונפט“

2-й годъ изданіе

Ежемѣсячный литературный обществ и научный журналъ.

Цѣна на годъ 2 р., 1/2 г. 1 р.

Адр. **Варшава, Новолипье 33 кв. 77, Д-ру Х. Вортсману.**

2 годъ **„ГАЗМАНЪ“** изд. ежедневная „הזמן“ въ Вильнѣ

Цѣна на годъ 7 р., 1/2 г. 3 р. 75 к., 1/4 г. 1 р. 75 к., №—3 к.

Адр.: **Вильно, Духовная № 2.**

25 годъ **„ВОСХОДЪ“** изд.

Подписная цѣна на газету и журналъ 10 р.

На газету безъ журнала 7 р.

На журналъ безъ газеты 4 р.

Адр. С.-Петербургъ, Морск. 29.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ БРОШЮРЫ:

Изданіе С. Д. Зальцмана въ Одессѣ.

„ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО“ *д-ра Теодора Герцля.* Новый переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія. Роскошное изданіе съ портретомъ автора. Цѣна **25** к. (Пересылка **6** коп.).

„КРИТИКИ СІОНИЗМА“ *Влад. Жаботинскаго.*

Цѣна **5** коп. (перес. **2** коп.).

100 шт. 5 руб. съ пересылкой.

„ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА РОДИНОЙ“

(Палестино-Угандскій вопросъ)

д-ра І. Б. Сапира (автора книги „Сіонизмъ“).

Цѣна **5** к. (перес. **2** коп.).

100 шт. 5 руб. съ пересылкой.

„НЕДРУГАМЪ СІОНА“ *Влад. Жаботинскаго.*

(3-ье изданіе. 25-ая тысяча).

Цѣна **3** к. (перес. **2** к.)

100 шт. 3 руб. съ пересылкой.

„СІОНИЗМЪ и ПАЛЕСТИНА“ *Влад. Жаботинскаго.*

Цѣна **5** к. (перес. **2** коп.).

100 шт. 5 руб. съ пересылкой.

Всѣ эти брошюры, при заказѣ не менѣе чѣмъ на 3 руб. высылаются, по первому требованію, налож. плат. (безъ задатка). За пересылку покупатели не платятъ.

Отдѣльные экземпляры или заказы менѣе чѣмъ на **3** руб. высылаются только по полученіи стоимости заказа впредь полностью (можно почтовыми марками), съ прибавленіемъ стоимости пересылки.

На запросъ прошу прил. марку или откр. письмо для отвѣта.

Высылаю также слѣдующія книги и брошюры чужихъ изданій.

1) **„СОВРЕМЕННАЯ ПАЛЕСТИНА“** *И. Белькинда.* Извѣстная научно-популярная книга о Палестинѣ, роскошное изданіе съ 50-ю иллюстраціями и 11-ю планами Палестины за **1** р. (перес. **26** к., заказнымъ **34** к.). (Раньше **1** руб. **75** коп. безъ берес.), Въ роскошномъ переплетѣ **1** р. **50** к. безъ пересылки.

2) **„О ВОЗРОЖДЕНІИ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ“** *М. Л. Лиліенблюма.* 3-ье изданіе. Цѣна **14** коп. (пересылка **6** коп.).

3) **„НАЦІОНАЛЬНЫЙ ФОНДЪ“** (Изданіе Одесскихъ Сіонистовъ) **100** штукъ **1** р. безъ пересылки.

4) **„ДЕРЪ ШЕКЕЛЪ“** (на жаргонѣ) (Изданіе Одесскихъ Сіонистовъ) **100** шт. **1** руб. безъ пересылки.

5) **ШЕСТОЙ СІОНИСТСКІЙ КОНГРЕССЪ** *Г. А. Любарскаго.* Полный отчетъ о современномъ сіонизмѣ около 120 стр. Цѣна **30** к. (перес. **6** к.). Раньше **60** коп. безъ пересылки.

Дабы изданія могли быть доступны въ широкой еврейской массѣ, цѣны установлены минимальныя.

Съ требованіями обращаться по адресу:

Одесса, С. Д. ЗАЛЬЦМАНУ.

2007042321